

Die Keramik von Dignāja und von ganz Augszeme ist im 1. Jahrtausend derjenigen von Litauen, insbesondere derjenigen von Nordostlitauen verwandt, mit der sie nahezu identisch ist. Auch Parallelen zu entfernteren litauischen Gebieten sind vorhanden. In der ersten Hälfte des 1. It., als die Strichkeramik für das übrige Lettland nicht mehr kennzeichnend war, gehörte Augszeme noch zu ihrem Verbreitungsgebiet.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛАТЫШСКОЙ НАРОДНОСТИ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ)

Э. Мугуревич (Рига)

Об этнической принадлежности населения по данным археологии лучше всего позволяют судить погребальные обычаи. Прослеживается их эволюция на территории Латвии с эпохи позднего железного века (X–XII вв.) до XVII в., уделяется особое внимание ориентации могил как одному из важнейших показателей их этнической принадлежности [1, с. 103]. Согласно мировоззрению некоторых первобытных народов [2, S. 148], умерших следует хоронить в таком направлении, чтобы они могли видеть, откуда пришло их племя.

В эпоху позднего железного века на территории Латвии проживали несколько народностей (курши, земгалы, латгалы, селы, ливы, венды), чем и объясняется многообразие форм погребений этого времени, так как каждая из них имела свои отличительные погребальные традиции (ориентация, вид могилы, сопровождающий инвентарь).

Самое большое разнообразие видов погребений на территории Латвии в это время наблюдается в Курземе: грунтовые могильники с труположениями, трупосожжениями, курганы с индивидуальными труположениями и трупосожжениями [3, с. 21–38]. Это объясняется тем, что в западной части Латвии уже в предыдущем периоде (до X в.) соприкасались этнически разнородные группы племен. В грунтовых могильниках с труположениями куршей (X–XI вв.) наблюдаются погребальные традиции предыдущего периода, и только в ориентации могил (СЗ–ЮВ, СВ–ЮЗ) замечается большее постоянство. В западной Латвии немного могильников, для которых характерны только труположения (Барта, Медзе, Дурбес Дикули). Больше таких памятников, где наряду с наиболее древним обрядом труположения констатированы и трупосожжения (Бунка, Дири, Абрами, Приекуле). Ареал данных могильников (рис. 1) ограничивается реками Вента (на востоке) и Тебра (на севере). В северо-западной части Литвы, где в то время располагался центр куршской культуры, для могильников с труположениями обычно характерна СЗ–ЮВ ориентация. Могильники в западной Литве (Паланга, Лайвяй) широко изучены [4, р. 379; 5, с. 14]. Исследование могильников X–XIII вв. показало, что переломным периодом в погребальных традициях является X век, когда обряд труположения постепенно сменяется обрядом трупосожжения. На территории куршей в XI–XIII вв. преобладают могильники с трупосожжениями, местами встречающиеся вплоть до

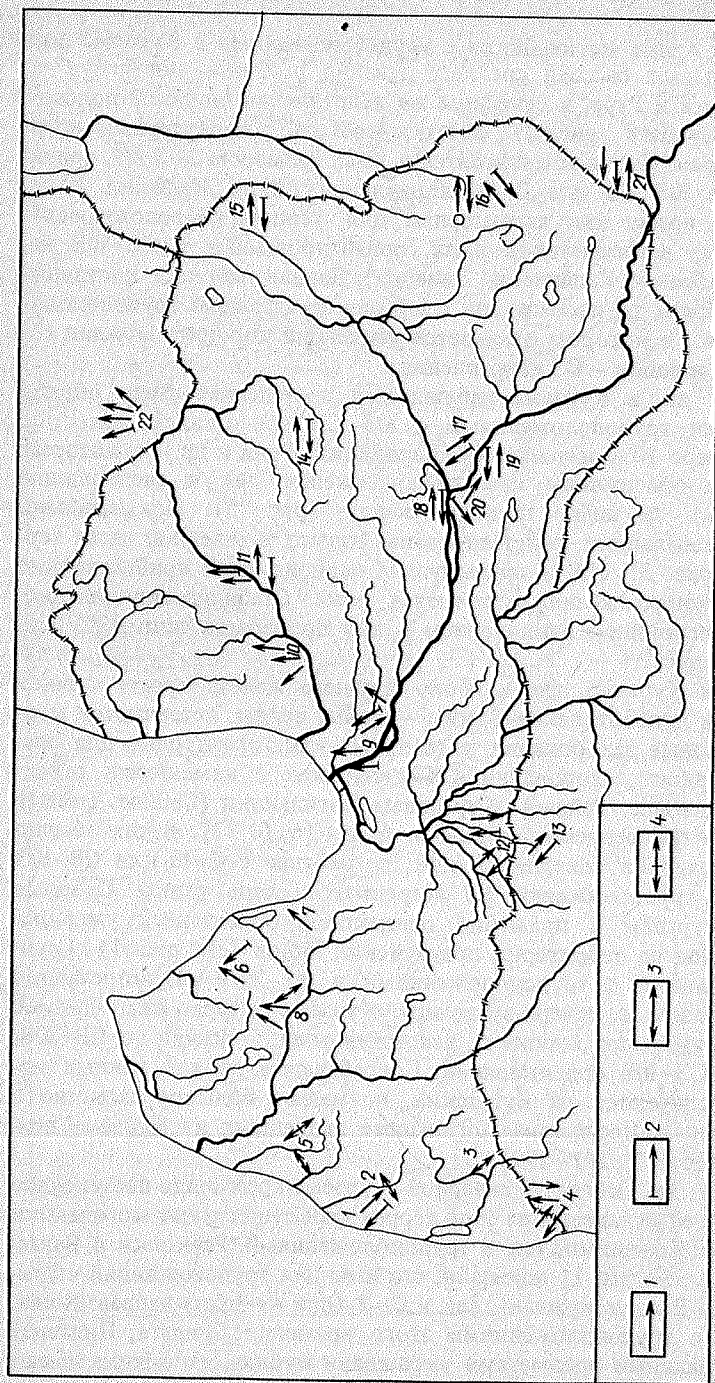

Рис. 1. Могильники (1–22) позднего железного века (X–XIII) с разной ориентацией могил: 1 – мужские погребения с захоронением по обряду труположения; 2 – женские; 3 – ямы с мужским или неопределенным трупосожжением; 4 – ямы с женским трупосожжением. Исследованные погребения: 1 – Куршские могильники с труположениями; 2 – Дири; 3 – Тилтини; 4 – Куршские погребения в северо-западной Литве; 5 – Калнини; 6 – Нурмуяжа; 7 – Тукумс; 8 – Сабиле; 9 – труположения Даугавских ливов; 10 – труположения Гауенских ливов; 11 – Цесис; 12 – земгалские труположения; 13 – земгалские погребения в северной Литве; 14 – Яунпелбалга; 15 – Даниловка; 16 – Нукши; 17 – Огленеки; 18 – Радзес; 19 – погребения селов; 20 – Ляядоцелес; 21 – древнерусские погребения; 22 – эстонские погребения

начала XV в. Ареал могильников с трупосожжениями в Курземе полностью охватывает бассейн среднего течения р. Вента, достигнув на востоке Салдуса и Руре, в северном же направлении он узкой полосой доходит до Дундаги (рис. 2). Остатки костров с характерным мужским инвентарем чаще всего покоятся в ямах размером 2–3 м², ориентированных в ЮЗ–СВ или З–В направлении (Дири, Калныни, Капениеки), в то время как характерные для женщин сопровождающие предметы чаще встречаются в ямах, ориентированных в СЗ–ЮВ направлении (Абрами, Капениеки, Звиедри). Данная традиция подтверждает связь обряда трупосожжения с куршским обрядом трупоположения IX–XI вв., в котором отмечается тенденция хоронить мужчин головой в ЮВ, а женщин – СЗ направлениях.

В XIV–XV вв. в Курземе наблюдается постепенная смена обряда трупосожжения трупоположениями с ЮЗ–СВ ориентацией, известны по крайней мере 10 могильников (Дарвдеджи, Рони и др.), в которых одновременно обнаружены как трупосожжения, так и следовавшие (XV–XVI вв.) за ними трупоположения (рис. 3). Показательно, что данные могильники констатированы только в северной части территории [3, рис. 3], где в предыдущем периоде жили прибалтийские финны, и трупосожжения встречаются реже. Стабилизация западно-восточной ориентации с отклонением к югу произошла лишь в XVII в. (Шарлоте, Салдус).

В северной Курземе, где в эпоху позднего железа кроме куршей жили также и прибалтийские финны – ливы, венды, встречаются курганы и грунтовые захоронения, в то время как характерные для предыдущего периода захоронения в могильниках с каменными оградками почти исчезли (Рейнас). Курганные могильники (Сабиле, Тояты) группируются по среднему течению р. Абава [6, S. 37]. В них обычно на уровне материка совершенно одно погребение с С–Ю или СВ–ЮЗ ориентацией, трупосожжения же встречаются очень редко. Сходные по форме курганы с примерно одинаковой ориентацией умерших констатированы на территории пригауйских ливов (см. рис. 1). Грунтовые могильники с трупоположениями в XI–XIII вв. встречаются главным образом в северо-восточной Курземе (Нурмуяжа, Тукумс и др.), где умерших хоронили несожженными, мужчин с СВ–ЮЗ, а женщин с СЗ–ЮВ ориентациями. Погребальные обряды данных могильников отличаются от куршских, но имеют большое сходство с захоронениями в Песисском могильнике вышедших из Курземе вендов [7, l. 72–76; 8, S. 291–299].

В XIII–XV вв., когда в северной Курземе произошло постепенное слияние куршей с ливами, на этой территории существуют могильники как с трупосожжениями, так и трупоположениями. Раскопки в Валгалес Веги [9, l. 350, att. 1] показали, что ямы для трупосожжений вырывали как в З–В (для мужчин), так и С–З (для женщин) направлениях. Могильники с трупоположениями этого времени (Дундага, Пилтене) с сопровождающими предметами украшения куршского облика имеют как З–В, так и ЮЗ–СВ, реже – СЗ–ЮВ (для мужчин) ориентации.

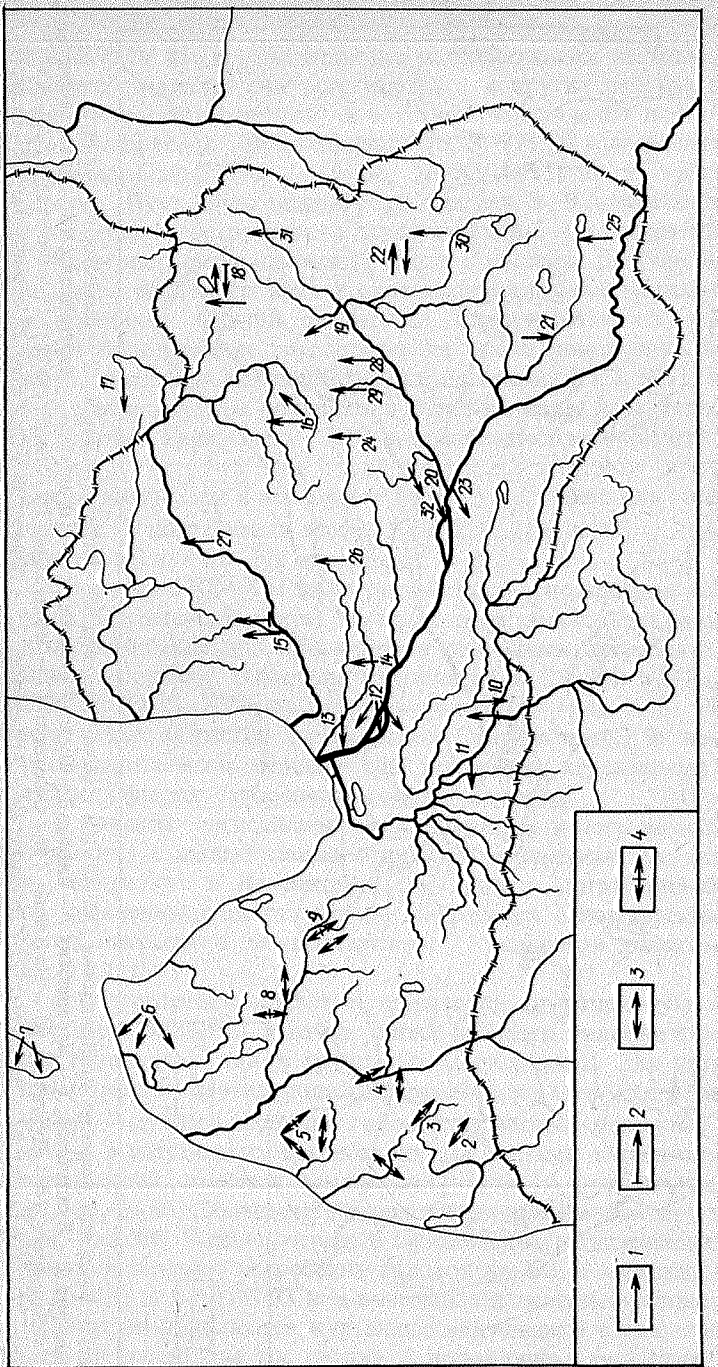

Рис. 2. Могильники-кладбища средневековья (XIII–XV) с разной ориентацией (если на карте для одного могильника дан один знак, значит мужские и женские погребения в основном имеют одинаковую ориентацию) могил. Обозначенные на карте могильники: 1 – Дири; 2 – Тилитини; 3 – Абрами; 4 – Калныни; 5 – Капениеки; 6 – Дундага; 7 – восточные погребения на о-ве Сааре-маа; 8 – Веги; 9 – Звиедри; 10 – Подини; 11 – Циемалде; 12 – Маргьясала; 13 – Рига; 14 – Кабелес; 15 – Сигулда; 16 – Ючписебалга; 17 – восточные погребения; 18 – Бундзени; 19 – Стругукалс; 20 – Калнапельни; 21 – Вишки; 22 – Вайдукали; 23 – Селпилс; 24 – Карадаба; 25 – Скайста; 26 – Заубе; 27 – Каугуры; 28 – Мейраны; 29 – Пагкуле; 30 – Макашаны; 31 – Балвы; 32 – Винакалс. Остальные усл. обозн. см. на рис. 1

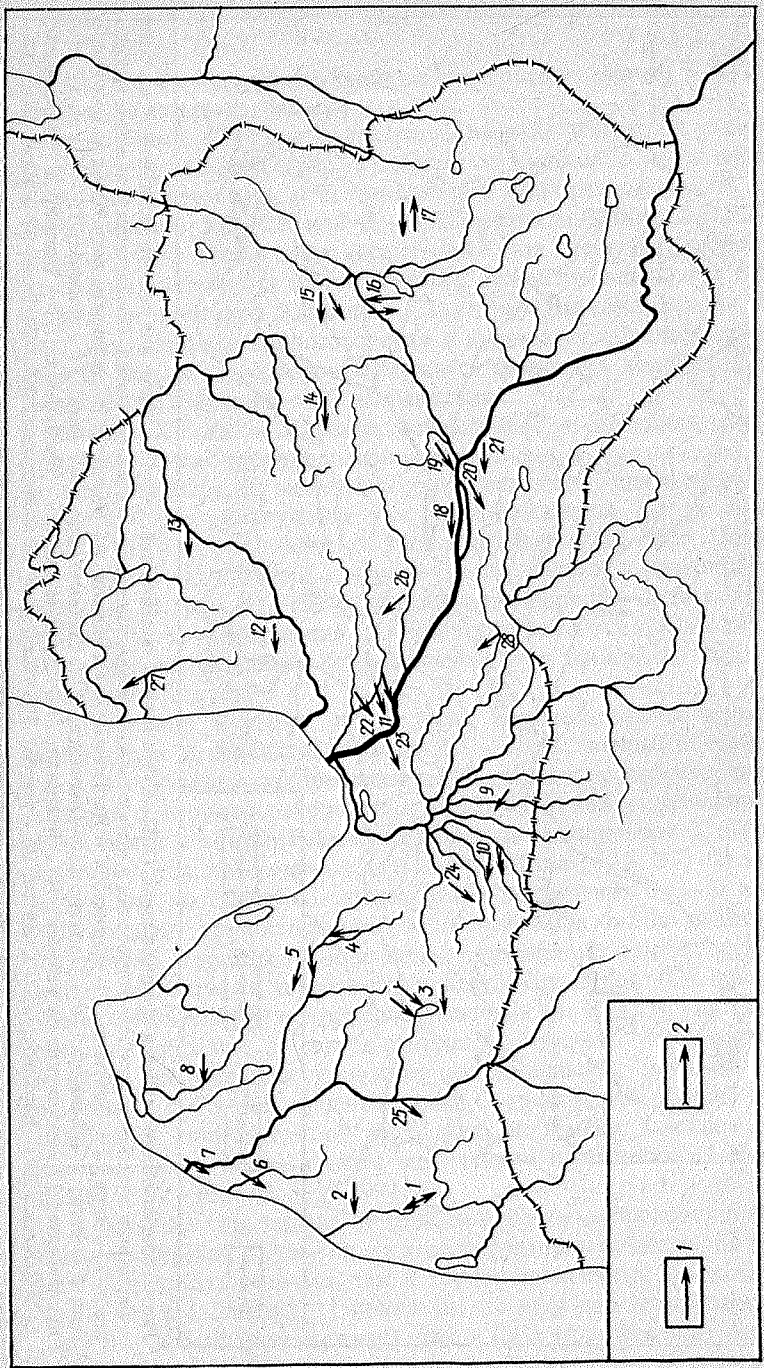

Рис. 3. Кладбища позднего средневековья (XV–XVIII вв.) с разной ориентацией могил: 1 – Дурбе; 2 – Шарлоте; 3 – Салдус; 4 – Эвидри; 5 – Яункандава; 6 – Дарвдиджи; 7 – Ужава; 8 – Пузе; 9 – Вице; 10 – Тервете; 11 – Мартыньсала; 12 – Аннаскалс; 13 – Валмиера; 14 – Пургайли; 15 – Цесвайне; 16 – Смауджи; 17 – Вайдукалпи; 18 – Айзраукле; 19 – Винакалс; 20 – Селпилс; 21 – Пургайли; 22 – Вейстурми; 23 – Дудиняс; 24 – Аграришчи; 25 – Раньки; 26 – Скубини; 27 – Светшиемс; 28 – Скайтскалне. Остальные усл. обознач. см. на рис. 1.

В XIII–XIV вв. труположения распространены не только в северной Курземе, местами они встречаются и в других районах Курземе (Падуре, Курмале, Валтайки) и в южном направлении достигают рубежей древних пруссов (Штангенвальд) [6, S. 37], а в восточном – низовьев Даугавы (Рига) [10, l. 19–38]. В XV–XVII вв. в северной Курземе (Ужава, Пузе, Яункандава) преобладает 3–В ориентация, но наряду с ней зачастую встречаются и захоронения ЮЗ–СВ направления.

На территории видземских ливов в бассейне Даугавы в конце эпохи позднего железного века встречаются грунтовые могильники с труположениями СЗ–ЮВ ориентации. Следует отметить, что хронологически более ранние трупосожжения также помещались в удлиненных ямах, ориентированных в СЗ–ЮВ направлении [11, l. 195]. В XII–XIII вв. в бассейне Даугавы появляются курганы, более характерные для ливов из бассейна Гауи. Здесь с XIII в. преобладают захоронения с С–Ю ориентацией, но встречаются и отклонения как в западном (преимущественно для мужчин), так и в восточном (преимущественно для женщин) направлениях. В погребениях эстов [12, l. 218, 219] в XII–XIII вв. также преобладает С или СВ–ЮЗ ориентация.

На рубеже XII–XIII вв. с устройством христианских кладбищ (Икшкиле, Мартыньсала, Рига) на территории ливов, близ больших центров, преобладающим для обоих полов становится погребение умерших головой на запад. Отмечены отклонения в СЗ–ЮВ (XIII–XV вв.) или ЮЗ–СВ (XVI–XVII вв.) направлениях (см. рис. 2, 3). Часть ливских курганных могильников (Кабелес, Сигулда и др.) на начальном этапе рассматриваемого периода еще сохранила характерные для прибалтийских финнов захоронения головой на север.

В ливских могильниках, расположенных в пограничных с латгалами областях, констатированы этнически смешанные могильники, напр., в Айзраукле и Леясбитены, где ливские погребения более поздние по сравнению с латгальскими. Погребения с латгальским инвентарем были открыты в Вампениешском (в основном ливском) могильнике [11, l. 194].

Для заселенной латгалами территории (нынешняя Латгале и восточная часть Видземе) в начале эпохи позднего железного века характерны труположения в грунтовых могильниках. Для латгалов обычна диаметрально противоположная ориентация мужских и женских погребений – мужчин хоронили головой на восток, женщин – на запад. Конечно, в латгальских погребениях так же, как и в памятниках других народностей, имеются отклонения. Напр., в Огленiekском могильнике [13, с. 50] большинство женщин захоронены головой на СЗ, а мужчин – на ЮВ. В свою очередь в Нукшинском и Радзенском могильниках имеются женские погребения головой на ЮЗ, а мужские – на СВ [14, с. 20; 15, att. 76]. С XI в. в восточных и западных районах латгальской территории появляются курганные могильники с одиночными погребениями, ориентация их сходна с положением покойных в грунтовых могильниках.

С XIII—XIV вв. на территории латгалов ориентация погребений меняется и трудно установить какую-либо закономерность. Еще сохраняются другие погребальные традиции предыдущего периода (групповые курганы с сравнительно богатыми сопровождающими предметами), курганные могильники. На Яунпиебалгском кладбище в XIII—XIV вв. начинают преобладать захоронения головой на север. Появление курганов с захоронениями умерших головой на С, СЗ и СВ еще в других могильниках XIII—XIV вв. между реками Айвиесте и Гауя объясняется [11, л. 296] наплывом в этот район ливов, что подтверждается и ливскими деталями одежды. В Вышкю Кампаны встречаются захоронения головой в южном направлении, в окрестностях Плавиняс (Кална Пельни, Винакалнс) — головой на ЮЗ. Следует отметить, что на некоторых кладбищах [16, л. 31] способ захоронения умерших головой в ЮЗ направлении сохраняется столетиями (XIV—XVII вв.). В отдаленных от крупных центров местах [17, л. 79] в XIII—XIV вв. еще совершали захоронения как в западном, так и восточном направлениях вне зависимости от пола умерших. Лишь на кладбищах близ крупных центров в XVI—XVII вв. преобладает ориентация головой на запад, хотя иногда и с отклонением к югу (Цесвайне, Валмиера и др.).

На территории селов в эпоху позднего железа встречаются как грунтовые могильники с групповыми захоронениями, так и курганы с коллективными захоронениями. Если для погребений в грунтовых могильниках (Страутмали, Витанишки) так же, как и у латгалов, характерна противоположная ориентация для мужчин (В—З) и женщин (З—В), то в курганных могильниках Леясдопелес [18, л. 3, 4] погребальные традиции различны. Во-первых, курганы с коллективными захоронениями (до 18 в одном кургане) в эпоху позднего железа сохраняются только у селов, если не считать немногочисленные ливские курганы [11, л. 200], где в одном кургане констатировано по 2—3 захоронения. В курганах селов также встречается противоположная для пола ориентация, но как в мужских, так и в женских погребениях замечается сильное отклонение к югу (см. рис. 1), откуда вытекает, что женщин хоронили в ЮЗ—СВ, а мужчин — в СЗ—ЮВ направлениях. На Селпилском кладбище [18, л. 180] в погребениях XIII—XVII вв. констатирована ориентация как для мужчин, так и для женщин головой на ЮЗ, и лишь отдельные погребения (из 234) имеют Ю—С или З—В направление. В XVI—XVIII вв. на Лейманском кладбище „Аугстие капи” [20, л. 25] уже преобладает З—В ориентация. Следует отметить, что в некоторых могильниках селов наблюдается непрерывность захоронений начиная с эпохи раннего железного века вплоть до позднего средневековья [21, л. 78].

Отдельные земгалские могильники (Циемалде, Роки) также непрерывно использовались [22, с. 92] с эпохи раннего железного века до недавнего времени, о чем свидетельствует близость современных кладбищ (Подини, Циемалде). Отсутствие трупосожжений в земгалских могильниках эпохи позднего железа отличает их от могильников соседних народностей этого времени. Как и у остальных балтских народов,

у земгалов ориентация погребений противоположна для мужчин и женщин [11, л. 211]. Преобладает СЗ—ЮВ направление, причем мужчин хоронят головой на ЮВ, женщин — на СЗ. Следовательно, по ориентации погребений земгалы в эпоху позднего железного века ближе стоят к куршам IX—XI вв. Следует отметить, что южные земгалы на территории Литвы [23, р. 18] также совершали погребение умерших с противоположной для мужчин и женщин ориентацией. Довольно часто в отдельных земгалских могильниках (Подини) с XII—XIII вв. отмечается С—Ю ориентация, характерная для прибалтийских финнов. Отличие от ливов, которые хоронили как мужчин, так и женщин в одном направлении, состоит в том, что земгалы хоронили мужчин головой на юг, женщин — на север. В могильнике Подини довольно много характерных для ливских женщин подвесок. Не свидетельствует ли этот факт о выдаче ливских девушек замуж за жителей Земгале? В Циемалдском могильнике [24, л. 44], напр., встречаются погребения, характерные для латгалских женщин. В земгалских могильниках XIII—XIV вв. еще наблюдаются древние погребальные традиции, но появляются и новые особенности, напр., в Циемалдском могильнике [25, с. 97, 125] более поздние погребения уже имеют З—В ориентацию. В середине века вплоть до XVII в. в отдельных случаях сохранялись старые традиции хоронить умерших как мужчин, так и женщин в СЗ—ЮВ (Вилцес Калнаплатери [26, л. 28], Скайсткалне) и ЮЗ—СВ (Агравиеши) направлениях, в то время как вблизи крупных центров (Тервете) преобладают погребения с З—В ориентацией [27, л. 15].

На основании обзора погребальных традиций X—XVII вв., направления могил и покойных можно отметить, что в эпоху позднего железного века для всех балтских народностей на территории Латвии характерна противоположная для мужчин и женщин ориентация, хотя у каждой народности она была различной. В этом отношении из балтских народностей курши ближе к земгалам, а латгалы — к селам. Прибалтийские финны (ливы, венды) совершали захоронения умерших обоего пола в одном направлении — головой на север; отмечены и отклонения.

XIII—XV вв. характеризуются неопределенностью ориентации захоронений, но чаще всего представителей обоего пола хоронят головой в одном направлении. Это, очевидно, объясняется вторжением немецких крестоносцев, в результате чего стали исчезать этнические границы, так как население было вынуждено оставлять родные места и поселяться среди других народностей. Уже в этот период католическая церковь боролась за то, чтобы захоронение умерших совершалось на освященном кладбище, причем рекомендовалось хоронить головой на запад. Это требование исполнялось чаще всего на кладбищах в крупных центрах или же расположенных в непосредственной от них близости. В местах с более смешанным составом населения (вдоль оживленных путей сообщения, в административных центрах) изменения в этнических процессах происходили быстрее, чем в отдаленных сельских местностях, где население долго сохраняло древние обычаи.

Следует отметить, что и соседние народы, эстонцы [12, л. 219] и литовцы [28, с. 8], в средние века с принятием христианства постепенно перешли на захоронение умерших в одном направлении — головой на запад. В Древней Руси изменения в ориентации умерших происходят еще раньше, так как с принятием христианства в X—XI вв. стабилизируются захоронения с З—В ориентацией. Только в областях, прежде заселенных балтскими племенами [29, с. 162, 163], сохранилась противоположная ориентация умерших: мужчин головой на восток, женщин — на запад.

Уже в XIV—XV вв. отмечаются захоронения умерших в ЮЗ—СВ направлении (латгалы, селы, курши, ливы), которые в XVI—XVII вв. наряду с З—В направлением становятся господствующими для захоронений на территории Латвии. Очевидно, по погребальным традициям уже XIV—XV вв. можно считать значительным этапом в образовании единой латышской народности. Так как в X—XIII вв. для женщин латгалов и селов были характерны З—В и ЮЗ—СВ ориентации, то это может служить основанием для утверждения, что именно латгалы и селы играли главную роль в ходе образования латышской народности. Этому предположению не противоречат и другие археологические данные: наличие инвентаря, характерного для латгальских женщин, в погребениях XII—XIII вв. куршей (Ренда), земгалов (Циемалде) и ливов (Вампениеши, Рауши). В ходе образования латышской народности наряду с другими балтами (куршами, земгалами) значительную роль сыграли и прибалтийские финны (ливы). В XIII—XIV вв. часть ливов и куронизированных ливов переместилась со своих прежних территорий в южном и восточном направлениях в земли земгалов и латгалов и, слившись с местным населением, повлияла на образование латышской народности. По-видимому, там, где процент ливов был сравнительно высок, в XV—XVII вв. в погребениях преобладает С—Ю или СЗ—ЮВ ориентация (см. рис. 3).

На территории Латвии ЮЗ—СВ и З—В ориентации погребений становятся господствующими только в XVI—XVII вв. Наряду с влиянием христианства на ориентацию погребений стабилизация погребальных традиций говорит в пользу предположения, что в это время процесс образования латышской народности близится к завершению. В XVII в. население Латвии, состоявшее из отдельных народностей, начало осознавать себя как единую латышскую народность также и при совершении наиболее консервативного ритуала — погребения умерших.

ЛИТЕРАТУРА

1. Седов В. В. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах Древней Руси. — СА, 1961, № 2.
2. Alscikaitė-Gimbutienė M. Die Bestattung in Litauen in der vorgeschichtlichen Zeit. — Tübingen, 1946.
3. Мугуревич Э. С. Некоторые вопросы этнической истории Курземе в X—XIV вв. — В кн.: Взаимосвязи балтов и прибалтийских финнов. Рига: Зинатне, 1970.

4. Kulikauskas P., Kulikauskienė R., Tautavičius A. LAB. — V.: Valst. polit. ir moksl. lit. leidykla, 1961.
5. Тауравиčius А. З. Археологические исследования Института истории АН Литовской ССР в 1948—1967 гг. — В кн.: 20 лет. Вильнюс, 1968.
6. Šturms E. Zur Vorgeschichte der Liven. — Eurasia Septentrionalis Antiqua, X. Helsinki, 1936.
7. Šnore E. Kuršu senlietu atradumi Rīgā. — SM, 1936, Nr. 3.
8. Мугуревич Э. Проблемы вендов в период раннего феодализма в Латвии. — Berichte über den II. Internationalen Kongress für Slawische Archäologie. Berlin, 1973, Bd. 2.
9. Šturms E. Izrakumi Valgales Veģu ugunkapos. — Vēstures atziņas un tēlojumi. Rīga, 1937.
10. Pāvele T. Pārskats par arheoloģiskiem izrakumiem Rīgā 1957. gadā. — Rīga, 1959.
11. LAR. — Rīga: Zinātne, 1974.
12. Selirand J. Eestlaste matmiskombed varafeodaalsete suhete tärkamise periodil (11.—13. sajand). — Tallinn: Eesti raamat, 1974.
13. Шноре Э. Д. Асотское городище. — В кн.: МИАЛ. Рига: Изд-во АН ЛатвССР, 1961, т. 2.
14. Шноре Э. Д., Зарица А. Э., Дайга И. В. Нукшинский могильник. — В кн.: МИАЛ. Рига: Изд-во АН ЛатвССР, 1957, т. 1.
15. Mugerēvičs E. Olinķalna un Lokstenes pilsnovādi. 3.—15. gs. arheoloģiskie pieminekļi. — Rīga: Zinātne, 1977.
16. Urtāns V. Vīnakaļna kapulauks pie Stukmaņiem (13.—17. gs.) — AE, 1962, 4.
17. Vasks A. Izrakumi Vaidu kapos. — ZASM — 1973. Rīga, 1974.
18. Šnore E. Izrakumi Lejasdopeļu arheoloģiskā kompleksā. — RTZS — 1961. Rīga, 1962.
19. Šnore E., Zariņa A. Senā Sēlpils. — Rīga: Zinātne, 1980.
20. Apala Z. Izrakumi Leimaņu „Augstajos kapos”. — RTZS — 1970. Rīga, 1971.
21. Šnore E. Arheoloģiskās ekspedīcijas darbs Augšēme. 1978. gadā. — ZASM — 1978. Rīga, 1979.
22. Атгазис М. К. Вопросы этнической истории земгалов. — В кн.: ИДИБ. Рига: Зинатне, 1980.
23. LAA. — V.: Moksas, 1977, t. 3.
24. Graudonis J. Izrakumi Lielupes krasta 1977. gada. — ZASM — 1977, Rīga, 1978.
25. Boy K. Bericht über Ausgrabungen auf dem Kronsgute Zeemalden in Kurland. — Sitzungsberichte der Kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst 1895. Mitau, Rīga, 1896.
26. Cimermane I. Aizsardzības izrakumi Vilces Kalnaplāteru kapulaukā. — RTZS — 1966. Rīga, 1967.
27. Atgāzis M. Tērvetes arheoloģiskās ekspedīcijas darbs 1975. gadā. — ZASM — 1975. Rīga, 1976.
28. Урбанавичюс В. Ф. Материальная и духовная культура сельского населения Литвы в XIV—XVII вв. (по данным исследования могильников): Автореф. дис... канд. ист. наук. — Вильнюс, 1967.
29. Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. — МИА, 1970, № 163.

DIE HERAUSBILDUNG DER LETTISCHEN VÖLKERSCHAFT IM MITTELALTER (AUFGRUND DER ARCHÄOLOGISCHEN BEFUNDE)

E. Mugurewitsch

Zusammenfassung

Für die Bestimmung der ethnischen Zugehörigkeit der Bevölkerung hat die Bestattungsweise unter allen archäologischen Befunden den grössten Aussagewert. Der vorliegende Artikel behandelt die Entwicklung der Bestattungssitten auf dem Territorium Lettlands

unter besonderer Berücksichtigung der Grabrichtung als eines der wichtigsten Merkmale ethnischer Besonderheiten.

In der Späteisenzeit (10. bis 12. Jh.) war für die Bestattungsweise aller baltischen Völker kennzeichnend, dass die Männer- und Frauengräber verschieden orientiert waren, wobei von den einzelnen Völkerschaften unterschiedliche Richtungen bevorzugt wurden (Abb. 1). Die kurischen Begräbnisse standen in dieser Hinsicht den zemgalischen und die latgalischen den selischen am nächsten. Bei den Ostseefinnen (Liven und Wenden) wurden sowohl männliche als auch weibliche Verstorbene mit dem Kopfende nach Norden (mit gewissen Abweichungen) beigesetzt.

Im 13. bis 15. Jahrhundert wurde die Graborientierung nicht konsequent eingehalten, sowohl bei den Balten als auch bei den Ostseefinnen wurden jedoch die Toten am häufigsten mit dem Kopf nach Norden bestattet (Abb. 2). Für diese Veränderungen waren offenbar die durch die Kreuzritterinvasion hervorgerufenen Verhältnisse entscheidend, die zur Folge hatten, dass die ethnischen Grenzen sich zu verwischen begannen, weil die Bevölkerung häufig gezwungen war, ihre Wohnorte zu verlassen und sich im Siedlungsgebiet anderer Volksstämme eine neue Heimstätte zu suchen. Bereits in dieser Periode verlangte die katholische Kirche, dass die Toten auf geweihten Friedhöfen bestattet würden, wo die Beisetzung vorschriftsgemäss mit dem Kopf nach Westen zu erfolgen hatte. Diese Forderung konnte vorwiegend in grösseren Siedlungszentren bzw. in deren Nähe durchgesetzt werden. Dort, wo eine gemischte Bevölkerung überwog (an grösseren Verkehrswegen und in den Verwaltungszentren), verliefen die ethnischen Prozesse besonders intensiv, während in den abgelegenen Landbezirken die Einwohner ihre alten Bräuche länger bewahrten.

Bereits im 14. bis 15. Jahrhundert begann sich bei den Latgalen, Selen, Kuren und Liven die SW-NO Bestattungsweise einzubürgern. Im 16. bis 17. Jahrhundert nahm sie bereits neben der W-O Bestattung eine dominierende Stellung ein und war für das gesamte Territorium Lettlands kennzeichnend. Offenbar darf aufgrund der Bestattungssitten das 14. bis 15. Jahrhundert als wesentlicher Abschnitt bei der Herausbildung des einheitlichen lettischen Volkstums angesehen werden. Da bei den Latgalen und Selen schon im 10. bis 13. Jahrhundert die W-O und SW-NO Orientierung in weiblichen Begräbnissen vorherrschend war, ist anzunehmen, dass die Hauptrolle bei der Herausbildung der lettischen Völkerschaft diesen Volksstämmen zukam. Andere archäologische Befunde, insbesondere das Vorhandensein latgalischen weiblichen Grabinventars in kurischen (Renda), zemgalischen (Ciemalde) und livischen (Vampenieši, Rauši) Graberfeldern bestätigen diese Annahme. Bei der Herausbildung der lettischen Völkerschaft spielten neben den anderen baltischen Stämmen (Kuren, Zemgalen) auch die Ostseefinnen (Liven) eine bedeutsame Rolle. Im 13. bis 14. Jahrhundert siedelten die zum Teil mit Kuren vermischten livischen Bevölkerungsgruppen nach Südosten in die von Zemgalen und Latgalen bewohnten Gebiete um. Dort trugen sie, indem sie sich mit den örtlichen Einwohnern assimilierten, ebenfalls zur Herausbildung der lettischen Völkerschaft bei. An den Orten, wo die N-S bzw. NW-SO Bestattungsweise vorherrschte, bildeten die Liven einen verhältnismässig hohen Prozentsatz der Bevölkerung (Abb. 3).

Die SW-NO und W-O Grabrichtung wurde auf dem Territorium Lettlands erst im 16. bis 17. Jahrhundert vorherrschend. Dieser Übergang mit der darauffolgenden Stabilisierung der Bestattungssitten ist nicht nur dem Einfluss des Christentums, sondern auch dem Umstand zuzuschreiben, dass um diese Zeit die Herausbildung der lettischen Völkerschaft sich bereits ihrem Abschluss näherte. Im 17. Jahrhundert galten die Vertreter der früheren Volksstämme im damaligen Lettland bereits als Angehörige einer einheitlichen Völkerschaft, und das äusserte sich auch in einem so konservativen Ritus wie demjenigen der Bestattung.

КОНТАКТЫ МЕЖДУ БАЛТСКИМИ ПЛЕМЕНАМИ НА ТЕРРИТОРИИ ЛИТВЫ В X—XII вв.

Л. Вайткунскене (Вильнюс)

В научной литературе приведена обоснованная картина размещения племенных союзов на территории Литвы в I и начале II тысячелетия н. э. [1, р. 33–43; 2, р. 10–18; 3, с. 80–87]. В дальнейшем, разумеется, не исключены изменения, так как источники непрерывно пополняются. Одновременно исследователи разработали и концепцию, согласно которой в указанное время происходил постепенный процесс консолидации отдельных балтских племен, что в конечном счете привело к образованию литовской народности [4, р. 5–22; 5, с. 31–46]. Возникла необходимость выяснить этнокультурные контакты различных племенных объединений, размещенных на территории Литвы в конце I–начале II тысячелетия н. э. Именно взаимоотношение и взаимодействие этносов, постоянный обмен культурными достижениями, принадлежащими одной из контактирующих сторон, и составляют суть этнокультурных процессов.

При всей значительности выдвинутой проблемы нельзя не отметить и ее сложность. Нами исследуются контакты жемайтов с куршами в X–XII вв. Самобытность культуры жемайтов [6, с. 53–63; 7, р. 27–35] дает возможность распознать наличие в ней элементов культур других родственных балтских племен. Привлекаются новейшие сведения, полученные при исследовании могильника Жасинас (Шилальский р-н), в материалах которого наиболее четко выступают основные культурно-археологические и этнические показатели. В 1976–1979 гг. на территории памятника вскрыты 203 погребения, относящихся к X–XII вв. [8, с. 422; 9, с. 430–431; 10, с. 451; 11, с. 374]. Этническая интерпретация раскопанного материала дала повод для изучения воздействия куршской культуры на культуру жемайтов в X–XII вв.

Погребальный обряд. Исследователями установлено [5, с. 41; 7, р. 28], что погребения по обряду трупоположения – характерная черта этнической культуры жемайтов конца I–начала II тысячелетия н. э., в то время как на территории, заселенной другими балтскими племенами, преобладают погребения по обряду трупосожжения. Исключение составляет лишь северная часть центральной Литвы, куда обряд кремации так и не проник. Предполагается, что эту область населяли земгалы.

Однако с начала X в. в могильниках жемайтов встречаются и погребения с трупосожжениями. Но этот ритуал не нашел здесь широкого применения, так как погребения по обряду трупосожжения в общем не превышали 1–3%. Лишь в могильнике Жасинас такие погребения составляют 6,4%, по-видимому, решающую роль в этом сыграло то обстоятельство, что данный могильник находится в наиболее западной части ареала жемайтов, ближе к поморью, где господствовал обряд кремации (рис. 1). Могилы погребенных по новому обряду сконцент-